

Г.Е. Афанасьев

Мирабо

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Г11

Г11 **Г.Е. Афанасьев**
Мирабо / Г.Е. Афанасьев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 137 с.

ISBN 978-5-4241-6107-0

ISBN 978-5-4241-6107-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Г. Е. Афанасьевъ.

*Дорогому Мише
Дубинскому.
отъ Марка*

Афанасьевъ, Г. Е.

МИРАБО.

ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ.

ОДЕССА

Тип. Акціонернаго Южно-Русскаго Общества Печатнаго Дѣла
(Пушкинская, соб. д. № 20).

1901.

DC 146
M7A65

Дозволено цензурою. Одесса, 28 октября 1901 года.

Предисловіе.

Едва-ли надо настаивать на томъ, что въ послѣднія два десятилѣтія значительно возросъ интересъ къ пересмотру исторіи, непосредственно предшествовавшей французской революціи, а также и условій, сопровождавшихъ эту послѣднюю. Результатомъ этого пересмотра было то, что многія явленія политической жизни Франціи представились не въ томъ видѣ, какъ было принято понимать ихъ прежде.

Между дѣятелями начала революціи 1789 года фигура Мирабо занимаетъ центральное мѣсто. Естественно, что и она привлекла къ себѣ интересъ историковъ, и надо сказать, что они освѣтили тѣ стороны его дѣятельности, которыя прежде оставались въ тѣни. Прежде Мирабо вырисовывался, какъ смѣлый авторъ знаменитой фразы „Allez dire à votre maître и т. д.“,—фразы, которой онъ никогда не произносилъ въ томъ видѣ, въ какомъ она повторялась почти всѣми историками революціи 1789 года,—а потомъ, какъ честолюбецъ, купленный дворомъ и измѣнившій дѣлу революціи. Теперь исторія обратила вниманіе на то, что съ начала и до конца Мирабо былъ монархистомъ, сторонникомъ сильной власти, какъ средства осуществить коренную реформу и избѣгнуть возможной анархіи, указали на то, что изъ всѣхъ людей 1789 года Мирабо оказался единственнымъ человѣкомъ, правильно понимавшимъ политиче-

и даже предвидѣ-
нныя события, наконецъ,
президентовъ программу.
III стр. 495) Было выяснено,
Мирабо не из-
вѣстна на современныя
Мирабо въ работахъ историковъ
въ связи съ
общественными отношеніями
иной видъ и иной

личности Мирабо въ по-
зднѣйшее
сочиненіями, появившимися
для со-
Вотъ эти сочиненія.

Les Mirabaux, nouvelles études sur
XVIII siècle. 2 vol. 1878.
le même ouvrage continué. 3 vol.

1889. 2 Bände.
1891.
1892.
1894.
прекрасная характеристика

сочиненіе: „Esprit de
XVIII (1804). Въ немъ боль-

МИРАБО.

Публичныя лекціи Г. Е. Дюанасьева.

I.

Если бы мы захотѣли представить себѣ настроеніе политической мысли во Франціи предъ революціей 1789 года, то мы увидѣли бы, что въ ней господствовали два теченія. Выразителемъ одного изъ нихъ были идеи Монтескье, а другого Руссо, т. е., съ одной стороны, монархическія конституціонныя, а съ другой—республиканскія съ демократическимъ характеромъ. Вліяніе послѣднихъ было болѣе значительнымъ, отсюда нерасположеніе ко всему, что представляло собою власть и преобладаніе однихъ надъ другими. Распространеніе тѣхъ и другихъ идей совершилось широко подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, того обстоятельства, что Старый Порядокъ уже давно, еще при Людовикѣ XIV, возбудилъ противъ себя оппозицію, которая потомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ становилась шире и глубже. Знакомство съ Англіей и ея учрежденіями дало понять французамъ, чего въ ихъ политической жизни не хватаетъ имъ, и легло въ основаніе развитія политической мысли во Франціи. И Вольтеръ и Монтескье оттуда вынесли и свое отрицательное отношеніе къ существующему порядку во Франціи, и свои общественно-политическіе идеалы (Руссо вынесъ ихъ изъ Швейцаріи). Мы видимъ, что въ половинѣ 18-го столѣтія не только въ области политики, но и въ другихъ областяхъ жизни, напримѣръ, въ области хлѣбной торговли, ссылка на примѣръ Англіи въ качествѣ доказательства считалась среди французовъ достаточной. Побѣды, одержанныя Англіей надъ Франціей во время Семилѣтней войны, и по-

раженія, нанесенныя французамъ Фридрихомъ Великимъ, должны были еще болѣе поднять престижъ первой, какъ образца, достойнаго подражанія, и еще болѣе усилить отрицательное отношеніе къ существующему порядку во Франціи. Примѣръ Америки возымѣлъ особенно сильное возбуждательное вліяніе. Принципы, провозглашенныя американцами во время возстанія противъ Англии, въ основѣ которыхъ въ сущности лежало то же народоправство, которое лежало въ основѣ идей Монтескье и Руссо, осуществленіе этихъ принциповъ въ конституціи сѣвероамериканскихъ штатовъ, все это возбудило самыя розовыя надежды среди французовъ относительно легкости введенія свободныхъ учрежденій и во Франціи. Казалось, что если простые колонисты Америки могли свергнуть деспотизмъ и водворить у себя свободу, то тѣмъ легче сдѣлать это такому образованному народу, какъ французы. При этомъ, подъ вліяніемъ господства классическаго образованія, интеллигенты тогдашняго времени, получавшіе главнымъ образомъ формальное образованіе, склонны были разсуждать въ пустомъ пространствѣ, не справляясь съ фактами, а отдаваясь одной дедукціи, а съ другой стороны, подъ вліяніемъ тогдашняго представленія объ исторіи, передъ ихъ воображеніемъ витали образы классическихъ героевъ, создававшихъ мановеніемъ руки государства и чуть-ли не самыя народы. Съ этой точки зрѣнія Франклинъ и Вашингтонъ являлись не великими представителями настойчиваго и свободолюбиваго и сознающаго свои права народа, а героями, въ родѣ Солона и Мильтіада илиThemistocle, которые освобождаютъ свой народъ отъ рабства и творятъ ему конституцію по своей идеѣ. Не даромъ при встрѣчѣ съ Франклиномъ въ Парижѣ д'Аламберъ привѣтствовалъ его, какъ человѣка, „исторгнувашаго молнію у неба и скипетръ у тирановъ“. (*Eripuit coelo fulmen, sceptrumque tyrannis*). То обстоятельство, что американцы, провозглашая свои права, положили въ основаніе своей деклараціи общіе принципы, родственныя съ тѣми, которые признавались большинствомъ образованнаго французскаго общества, какъ основы свободы, побуждало думать, что торжество свободы въ Америкѣ есть результатъ признанія этихъ принциповъ и вывода изъ нихъ логическихъ послѣдствій. Стоило, значить, дать тор-

жество этимъ принципамъ во Франціи, и судьба свободы въ ней обезпечена. На самомъ дѣлѣ было не такъ. Французы не замѣчали того, что, въ сущности говоря, американцы не были такой чистой доской, на которой рисовались новые принципы съ ихъ послѣдствіями въ законодательныхъ опредѣленіяхъ. Огромное большинство французскаго общества не знало того, что колоніи давно пользовались самоуправленіемъ, давно пользовались индивидуальной свободой и полной вѣротерпимостью; что тѣ политическія основы, которыя они теперь провозглашали и осуществляли у себя, были наслѣдіемъ долгаго историческаго процесса, который переживала Англія со времени среднихъ вѣковъ, и которое ихъ предки вынесли оттуда, оставляя родину именно ради желанія сохранить свою политическую и религіозную свободу, когда ей на родинѣ грозила серьезная опасность во времена Стюартовъ и отчасти Тюдоровъ. Такимъ образомъ, то, что провозглашалось въ Филадельфіи, лежало уже въ традиціяхъ и нравахъ американскихъ колонистовъ. Кромѣ того, какъ справедливо замѣчено, французы не обращали вниманія на то, что на дѣвственной почвѣ Америки не было тѣхъ силъ — королевской власти, католическаго клира и феодальной аристократіи, — существованіе коихъ во Франціи отражалось не только на виѣшнихъ формахъ общества, но и на всѣхъ привычкахъ и нравахъ націи. Все это оставалось незамѣченнымъ, а потому, когда Версальскимъ миромъ было признано торжество американцевъ надъ Англіей, то это событіе было истолковано, какъ торжество французскихъ принциповъ, какъ знаменіе близкой побѣды ихъ въ самой Франціи. Это сознаніе сильно подняло оппозиціонное настроеніе. Сама аристократія французская принимала живѣйшее участіе въ оппозиціи королевской власти и съ этой точки зрѣнія смотрѣла на сопротивленіе парламентовъ распоряженіямъ правительства, какъ на проявленіе идеи свободы, и поддерживала его. Когда же, наконецъ, правительство, поставленное въ безвыходное положеніе отсутствіемъ денегъ и громаднымъ по тому времени дефицитомъ и долгомъ, объявило созваніе государственныхъ чиновъ, то все французское общество привѣтствовало этотъ актъ, какъ наступленіе эры свободы, и охвачено было живѣйшей радостью и сильной надеждой на будущее.

Всякій, знакомый съ положеніемъ Франціи въ то время, знаетъ, что страна нуждалась въ коренныхъ политическихъ реформахъ, а также въ отмѣнѣ феодальныхъ привилегій, что равнозначительно было глубокой соціальной реформѣ. Такой переходъ къ новому политическому и соціальному строю не могъ не быть труденъ въ виду существованія сильныхъ традицій и противоположныхъ интересовъ. Въ ихъ борьбѣ легко могло взволноваться житейское море, и требовалась сильная рука для сохраненія въ цѣлости государственнаго корабля и предупрежденія анархіи. Отсюда— необходимость сильной королевской власти.

На самомъ дѣлѣ этого условія не было, ибо фактически королевская власть была слаба. Она была слаба вслѣдствіе личной слабости Людовика XVI. Добродушный человѣкъ и надѣленный очень слабой волей, онъ къ тому же лишенъ былъ и сильнаго ума. Его умственные способности были ниже среднихъ, а образованіе ничтожно. Онъ не понималъ совершенно современнаго положенія дѣлъ и требованій времени, и даже тогда, когда положеніе стало уже опаснымъ, онъ относился, по словамъ Мирабо, къ дѣламъ Франціи съ такимъ же равнодушіемъ, какъ будто это были дѣла Китая. Но слабость королевской власти лежала еще и въ томъ недовѣрїи къ правительству, которое къ этому времени развилось во французскомъ обществѣ и охватывало глубокіе слои его. Это недовѣріе развилось сильно въ царствованіе Людовика XV и нельзя сказать, что оно было лишено основанія. Управленіе страной происходило при королѣ, относившемся вполне равнодушно къ благу страны и эгоистично заботившемся о собственномъ спокойствіи. Дворъ вліялъ на правительство въ широкой степени, и нерѣдко объ личные интересы придворныхъ разбивались усилія людей, желавшихъ блага странѣ. Распущенность нравовъ при дворѣ едва ли достигала когда-либо той же степени, а это отзывалось и на пополненіи административныхъ должностей. Такія фигуры на министерскихъ креслахъ, какъ аббатъ Террѣ или Мопу, не часто встрѣчаются. Про администраторовъ провинцій тогдашняго времени осталось не мало свидѣтельствъ современниковъ, говорящихъ о томъ, что въ большинствѣ они были негодны, а между тѣмъ власть ихъ была безконтрольна и очень велика. Но, какъ это обыкновенно

бываетъ, общественное недовольство питалось не только дѣйствительными фактами, но и легендами, которыя вырастаютъ и развиваются на почвѣ этого недовольства и въ свою очередь увеличиваютъ его. Среди этихъ легендъ были чудовищнаго характера, напримѣръ, о ваннахъ для короля изъ дѣтской крови; но онѣ находили вѣру. На плечи Людовика XVI легла тяжесть этого наслѣдія. Сначала его привѣтствовали какъ „желаннаго“ короля, но скоро эта популярность поблекла. Надежда на то, что король выведетъ Францію изъ ея затруднительнаго положенія, сильно поколебалась послѣ того, какъ придворной, реакціонной партіи при значительномъ участіи королевы Маріи - Антуанетты удалось низвергнуть Тюрго, явившагося на министерскомъ посту съ программой реформъ, невыгодныхъ для привилегированныхъ классовъ, и съ беззавѣтно-честнымъ отношеніемъ къ общественному благу. Онъ сталъ невозможенъ на своемъ посту, такъ какъ потребовалъ отъ короля бережливаго отношенія къ казеннымъ деньгамъ и не допускалъ посягательства даже приближенныхъ ему лицъ на казенный сундукъ. Съ другой стороны, онъ вошелъ въ противорѣчіе съ предрасудками, господствовавшими въ высшихъ сферахъ. Чѣмъ сильнѣе были надежды образованнаго общества, возбужденныя реформами Тюрго, тѣмъ глубже было разочарованіе, вызванное его увольненіемъ. Нѣсколько времени спустя, еще болѣе сильный ударъ былъ нанесенъ общественнымъ надеждамъ неудачей реформъ Неккера и его удаленіемъ опять-таки вслѣдствіе того, что онъ требовалъ неприкосновенности общественнаго добра и осмѣлился опубликованіемъ бюджета поднять часть той завѣсы, которая скрывала придворную расточительность, и которая по господствовавшему предрасудку считалась государственной тайной. Общественное недовольство при Людовикѣ XVI направлялось главнымъ образомъ противъ Маріи Антуанетты, такъ какъ она была энергична, она имѣла вліяніе на короля и она стала душой придворной партіи, враждебной всему, что могло сократить расточительность и ослабить привилегіи феодальныхъ классовъ. И тутъ опять-таки дѣйствительность смѣшивалась съ легендами. Яркимъ выраженіемъ общественной подозрительности противъ королевы служить дѣло объ ожерельѣ королевы. Дѣло это, какъ извѣстно, заключалось